

E I 770 a

Книжная

ОРК

4677

КЛБЛ
СЛБЛ

Ней портр., иллюстрир. (с. 1-2)

1574

Е I 770 a

~~Е I 770 a~~

КАВКАЗСКІЙ

ПЛЪННИКЪ,

П О В Ъ С Т Ъ .

Соч. А. Пушкина.

16308

Перев. 1900

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

1822.

КАВКАЗСКИ

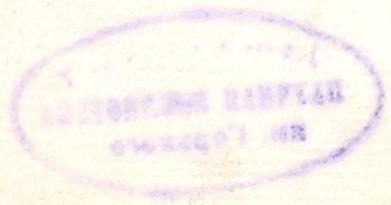
ПЕРВОНАЧАЛНО

Печатать по^зволяется.

Въ Санктпетербургѣ, 12 Юня 1822 года.

Цензоръ Александръ Бируковъ.

82071

Н. Н. РАЕВСКОМУ.

Прими съ улыбкою, мой другъ,
Свободной Музы приношенье.

Тебѣ я посвящилъ пустынной лиры пѣнье
И вдохновенный свой досугъ.

Когда гроза и вихрь мой чюднѣ о камни били;
Я при тебѣ еще спокойство находилъ;
Я сердцемъ опдыхалъ; другъ друга мы любили:
И бури надо мной свирѣпость упомини;
Я, въ мирной приспани, боговъ благословилъ.

Во дни печальные разлуки
Мои задумчивые звуки
Напоминали мнѣ Кавказъ,
Гдѣ пасмурный Бешпу', пустынный вели-
чавый,
Ауловъ' и полей власпишель пяшиглавый,

Быль новый для меня Парнасъ,
Забуду ли кремнистыя вершины,
Гремучіе ключи, увядшія равнины,
Пустыни знойныя, края, гдѣ ты со мной
Дѣлилъ души младыя впечатлѣнья;
Гдѣ рыскаешь въ горахъ воинственный разбой,
И дикій геній вдохновенья
Таится въ тишинѣ глухой!
Ты здѣсь найдешь воспоминанья,
Бышь можешь, милыхъ сердцу дней,
Противурѣчія спросишь,
Мечты знакомыя, знакомыя спрданья,
И тайный гласъ души моей.

Мы въ жизни разно шли: въ объятіяхъ покоя
Едва, едва разцвѣль, и въ слѣдъ ошца-героя

Въ поля кровавья, подъ шучи вражьихъ спрѣль,
Младенецъ избранный, шы гордо полешѣль;
Опечесиво шебя ласкало съ умиленьемъ,
Какъ жершву милую, надежды вѣрный цвѣшъ.
Я рано скорбь узналъ, узналъ людей и свѣшъ!

Но сердце укрѣпивъ шерпѣньемъ,
Я ждалъ безпечно лучшихъ дней;
И счастье друзей
Мнѣ было сладкимъ ушѣшеньемъ.

УЛГІС

ЧАСТЬ I.

Въ аулъ, на своихъ порогахъ
Черкесы праздные сядяшь.
Сыны Кавказа говоряшь
О бранныхъ, гибельныхъ шревогахъ,
О красощь своихъ коней,
О наслажденьяхъ дикой нѣги;
Воспоминаюшь прежнихъ дней
Неопразимые набѣги,
Обманы хипрыхъ Узденей,³
Удары шашекъ⁴ ихъ жеспокихъ,
И мешкось неизбѣжныхъ спрѣль,
И пепель разоренныхъ оль,
И ласки пѣвницъ черноокихъ.

Текуть бесѣды въ тишинѣ;
 Луна плывесть въ ночномъ шуманѣ:
 И вдругъ предъ ними на конѣ
 Черкесь. Онъ быспро на арканѣ
 Младаго плѣнника влачилъ.
 Вошь Русской! хищникъ возопилъ.
 Ауль на крикъ его сбѣжался
 Ожеспоченною шолпой;
 Но плѣнникъ хладный и нѣмой,
 Съ обезображенной главой,
 Какъ шрупъ, недвижимъ оставался.
 Лица враговъ не видишь онъ,
 Угрозъ и криковъ онъ не слышишь;
 Надъ нимъ лепаешь смертный сонъ,
 И холодомъ плешворнымъ дышишь.

И долго плѣнникъ молодой
 Лежалъ въ забвеніи тяжеломъ.
 Ужь полдень надъ его главой
 Пылалъ въ сіяніи веселомъ;
 И жизни духъ проснулся въ немъ,
 Невняпный спонъ въ усахъ раздался;

Согрѣшый солнечнымъ лучемъ,
Несчастный шихо приподнялся;
Кругомъ обводишь слабый взоръ....
И видишь неприступныхъ горъ
Надъ нимъ воздвигнулась громада,
Гнѣздо разбойничьихъ племень,
Черкеской вольности ограда.
Вспомнилъ юноша свой плѣнъ,
Какъ сна ужаснаго тревоги,
И слышишь, загремѣли вдругъ
Его закованныя ноги....
Все, все сказала ужасный звукъ;
Зашмилась передъ нимъ природа.
Просни, священная свобода!
Онъ рабъ.

За саклями⁵ лежишь
Онъ у колючаго забора.
Черкесы въ полѣ, нѣтъ надзора,
Въ пустомъ аулѣ все молчишь.
Предъ нимъ пуспынныя равнины
Лежашъ зеленой целеной;

Тамъ — холмовъ спянуся грядой
 Однообразныя вершины;
 Межь нихъ уединенный пущь,
 Въ дали шеряешя угрюмой —
 И плънника младаго грудь
 Тяжелой взволновалась думой.

Въ Россію дальный пущь ведешь,
 Въ страну, гдѣ пламенную младость
 Онъ гордо началъ безъ заботь;
 Гдѣ первую позналъ онъ радость,
 Гдѣ много милаго любилъ,
 Гдѣ обнялъ грозное сшраданье,
 Гдѣ бурной жизнью погубилъ
 Надежду, радость и желанье, —
 И лучшихъ дней воспоминанье
 Въ увядшемъ сердцѣ заключилъ.

.
 *

* Какъ это мѣсно, такъ и другія, означены точками самимъ Сочинителемъ. —

Людей и свѣшь извѣдалъ онъ,
И зналъ невѣрной жизни цѣну.
Въ сердцахъ друзей нашедъ измѣну,
Въ мечтахъ любви — безумный сонъ,
Наскуча жершвой бышь привычной
Давно презрѣнной суешы,
И непріязни двуязычной,
И просподушной клеветы,
Ошесупникъ свѣша, другъ природы,
Покинулъ онъ родной предѣль
И въ край далекій полешѣль
Съ веселымъ призракомъ свободы.

.
.

Свершилось! цѣлью упованья
Не зришь онъ въ міръ ничего.
И вы, послѣднія мечшанья,
И вы сокрылись онъ него.
Онъ рабъ. — Склонясь главой на камень,
Онъ ждешъ, чшобъ съ сумрачной зарей
Погась печальной жизни пламень
И жаждешъ сѣни гробовой.

Ужь меркнешь солнце за горами;
Въ дали раздался шумный гуль;
Съ полей народъ идешь въ ауль,
Сверкая свѣшлыми косами.
Пришли, въ домахъ зажглись огни,
И поспешенно шумъ неспройной
Умолкнулъ; все въ ночной тиши
Обьяшо нѣгою спокойной;
Въ дали сверкаешь горный ключь,
Сбѣгая съ каменной спремнины;
Одѣлись пеленою тучь
Кавказа спящія вершины...
Но кто, въ сіяніи луны,
Среди глубокой тишины
Идешь, украдкою спуная?
Очнулся Русской. Передъ нимъ,
Съ привѣпомъ нѣжнымъ и нѣмымъ,
Стоишь Черкешенка младая.
На дѣву, молча, смотришь онъ,
И мыслишь: это лживый сонъ,
Успалыхъ чувствъ игра пусная.
Луною чухъ озарена,

Съ улыбкой жалости опрадной
Кольна преклонивъ, она
Къ его ушамъ кумысь⁶ прохладной
Подносишь тихою рукой. —
Но онъ забылъ сосудъ цѣлебный;
Онъ ловишь жадною душой
Пріяшной рѣчи звукъ волшебный
И взоры дѣвы молодой.
Онъ чуждыхъ словъ не понимаетъ;
Но взоръ умильный, жаръ ланишь,
Но голосъ нѣжный говоришь:
Живи! и пушникъ оживаешь.
И онъ, собравъ осшашокъ силъ,
Вельнью милому покорной,
Привспаль — и чашей благошворной
Томленье жажды уполилъ.
Попомъ на камень вновь склонился
Оплетощенною главой;
Но все къ Черкешенкѣ молодой
Угасшій взоръ его спремился.
И долго, долго передъ нимъ
Она, задумчива, сидѣла;

Какъ бы участиемъ нѣмымъ
 Упѣшила плѣнника хопѣла;
 Успа невольно каждый часъ
 Съ начашой рѣчью открывались;
 Она вздыхала, и не разъ
 Слезами очи наполнялись.

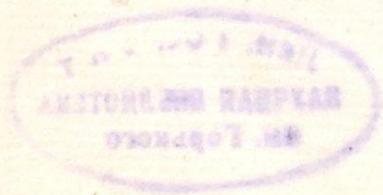
За днями дни прошли какъ шѣнь.
 Въ горахъ, окованный, у спада
 Проводишь плѣнникъ каждый день.
 И щеры темная прохлада
 Его скрываетъ въ лѣпнѣй зной;
 Когда же рогъ луны сребристой
 Блеснешь за мрачною горой,
 Черкешенка, пропой шѣнниспой,
 Приносишь плѣннику вино,
 Кумысь, и ульевъ сошь душистой,
 И бѣлоснѣжное пшено.
 Съ нимъ шайный ужинъ раздѣляешь;
 На немъ покоишь нѣжный взоръ;
 Съ неясной рѣчью сливается
 Очей и знаковъ разговоръ;

16308.
Поешь ему и песни горь,
И песни Грузии счастливой,⁷
И памяти нешерпеливой
Передаешь языкъ чужой.
Впервые дѣвственной душой
Она любила, знала счастье;
Но Руской жизни молодой
Давно утратилъ сладоспрашье:
Не могъ онъ сердцемъ отвѣчать
Любви младенческой, открытой —
Бышь можешь, сонъ любви забышой
Боялся онъ воспоминашь.

Не вдругъ увянешь наша младость,
Не вдругъ воспорги бросаешь насъ,
И неожиданную радость
Еще обнимемъ мы не разъ:
Но вы, живыя впечатлѣнья,
Первоначальная любовь,
О первый пламень упоенья!
Не прилепаете вы вновь.

Казалось — плѣнникъ безнадежный
 Къ унылой жизни привыкаль.
 Тоску неволи, жарь мяшежный,
 Въ душѣ глубоко онъ скрываль.
 Влачась межъ угрюмыхъ скаль,
 Въ часъ ранней, упренней прохлады,
 Остановляль онъ долго взоръ
 На опдаленныя громады
 Съдыхъ, румяныхъ, синихъ горъ.
 Великолѣбныя каршины!
 Пресполы вѣчныя снѣговъ!
 Очамъ казались ихъ вершины
 Недвижной цѣпью облаковъ,
 И въ ихъ кругу колоссъ двуглавый,
 Въ вѣнцѣ блистая ледяномъ,
 Эльбрусъ огромный, величавый,
 Бѣлѣль на небѣ голубомъ.⁸
 Когда, съ глухимъ сливаясь гуломъ,
 Предшеча бури громъ гремѣль,
 Какъ часно плѣнникъ надъ ауломъ,
 Недвижимъ, на горѣ сидѣль!
 У ногъ его дымилась шучи

Въ степи взвивался прахъ лешучій;
 Уже приюша между скаль
 Елень испуганный искаль;
 Орлы съ ушесовъ подымались
 И въ небесахъ перекликались;
 Шумъ шабуновъ, мычанье спадъ
 Ужь гласомъ бури заглушались...
 И вдругъ на дома дождь и градъ
 Изъ шучь сквозь молній извергались.
 Волнами роя крушизны,
 Сдвигага камни вѣковые,
 Текли пошоки дождевые —
 А павникъ, съ горной вышины,
 Одинъ, за шучей громовою,
 Возвраща солнечнаго ждалъ,
 Недостигаемый грозою,
 И бури немощному вою
 Съ какой-шо радостью внималъ.

Но Европейца все вниманье
 Народъ сей чудный привлекалъ.
 Межь Горцевъ, павникъ наблюдааъ

Ихъ вѣру, нравы, воспишанье,
Любилъ ихъ жизни проспошу,
Госпепрѣимство, жажду брани,
Движеній вольныхъ быспрошу,
И легкоспъ ногъ, и силу длани;
Смопрѣль по цѣлымъ онъ часамъ,
Какъ иногда Черкесъ проворной,
Широкой спенью, по горамъ,
Въ космашой шапкѣ, въ буркѣ черной,
Къ лукъ склонясь, на спремена
Ногою спройной опираясь,
Лепаль по волъ скакуна,
Къ войнѣ заранѣ прѣучаясь.
Онъ любовался красотой
Одежды бранной и проспой.
Черкесъ оружіемъ обвѣшенъ;
Онъ имъ гордился, имъ ушѣшенъ:
На немъ броня, пицаль, колчанъ,
Кубанскій лукъ, кинжаль, арканъ,
И шашка, вѣчная подруга
Его прудовъ, его досуга.
Ни чшо его не спягошишь,

Ни что не брякнешь: пѣшій, конный —
Все пошь же онъ; все пошь же видъ
Непобѣдимый, непреклонный.
Гроза безпечныхъ Козаковъ,
Его богатство — конь решивый,
Пишомецъ горскихъ шабуновъ,
Товарищъ вѣрный, перцѣливый.
Въ пещерь иль правѣ глухой
Коварный хищникъ съ нимъ шапша,
И вдругъ, внезапною спрѣлой,
Завидя пушника, спремишся;
Въ одно мгновенье вѣрный бой
Рѣшишь ударъ его могучій,
И спранника въ ущелья горъ
Уже влечешь арканъ лешучій.
Спремишся конь во весь опоръ,
Исполнень огненной ошваги;
Все пушь ему: болошо, боръ,
Кусшы, ушесы и овраги;
Крoвaвый слѣдъ за нимъ бѣжишь,
Въ пушынѣ попошь раздаешся;
Сѣдой пошокъ предъ нимъ шумишь —

Онъ въ глубь кипящую несется;
И пушникъ, брошенный ко дну,
Глашаетъ мушную волну,
Изнемогая смерти просишь
И зришь ее передъ собой....
Но мощный конь его — спрѣлой
На берегъ пѣнисный выносишь.

Иль ухвативъ рогатый пень,
Въ рѣку низверженный грозю,
Когда на холмахъ пеленою
Лежишь безлунной ночи шѣнь,
Черкесь на корни вѣковые
На вѣшви вѣшаешь кругомъ
Свои доспѣхи боевые,
Щишь, бурку, панцырь и шоломъ,
Колчанъ и лукъ — и въ быспры волны
За нимъ бросаешься пошомъ
Неупомимый и безмолвный.
Глухая ночь. Рѣка ревешъ;
Могучій шокъ его несешъ
Вдоль береговъ уединенныхъ,

Гдѣ на курганахъ возвышенныхъ,
 Склонясь на копья, Козаки
 Глядяшь на темный бѣгъ рѣки —
 И мимо ихъ, во мглѣ чернѣя,
 Плывешь оружіе злодѣя....
 О чемъ ты думаешь, Козакъ?
 Воспоминаешь прежни бившвы,
 На смершномъ полѣ свой бивакъ,
 Полковъ хвалебныя молишвы
 И родину?... Коварный сонъ!
 Прошине, вольныя спаницы,
 И домъ ошцовъ, и шихій Донъ,
 Война и красныя дѣвицы!
 Къ брегамъ причалилъ шайный врагъ,
 Спрѣла выходишь изъ колчана —
 Взвилась — и падаешь Козакъ
 Съ окровавленнаго кургана.

Когда же съ мирною семьѣй
 Черкесь въ ошеческомъ жилищѣ
 Сидишь ненашною порой
 И плабюшь угли въ щепелищѣ;

И спрянувъ съ вѣрнаго коня,
 Въ горахъ пуспынныхъ запоздалый,
 Къ нему войдешь пришлецъ усталый
 И робко сядешь у огня:
 Тогда хозяинъ благосклонной
 Съ привѣтомъ, ласково, вспаешь,
 И гостю въ чашъ благовонной
 Чихирь⁹ опрадный подаешь.
 Подъ влажной буркой, въ сакль дымной,
 Вкушаешь пушникъ мирный сонъ,
 И упромъ оставляешь онъ
 Ночлега кровь гостепріимной.¹⁰

Бывало въ свѣшлый Баиранъ¹¹
 Сберушя юноши полною;
 Игра смѣняешя игрою:
 То полный разобравъ колчанъ,
 Они крылашыми спрѣлами
 Пронзаюшъ въ облакахъ орловъ;
 То съ вышины крушыхъ ходмовъ
 Нешерпѣливыми рядами,
 При данномъ знакѣ, вдругъ падушъ,

Какъ лани землю поражаютъ,
Равнину пылью покрываютъ
И съ дружнымъ попомомъ бѣгутъ.

Но скученъ миръ однообразной
Сердцамъ рожденнымъ для войны;
И часто игры воли праздной
Игрой жестокой смущены,
Не рѣдко шашки грозно блещутъ
Въ безумной рѣзвости пировъ,
И въ прахъ летятъ главы рабовъ,
И жены робкя препенутъ.

Но Руской равнодушно зрѣлъ
Сии кровавыя забавы.
Любилъ онъ прежде игры славы
И жаждой гибели горѣлъ.
Невольникъ чести безпощадной,
Вблизи видалъ онъ свой конецъ;
На поединкахъ пивердый, хладной,
Встрѣчая гибельный свинець.
Бышь можешь, въ думу погруженный,

Онъ время шо воспоминаль,
Когда, друзьями окруженный,
Онъ съ ними шумно пироваль...
Жальль ли онъ о дняхъ минувшихъ,
О дняхъ надежду обманувшихъ?
Иль, любопытный, созерцаль
Суровой простопы забавы,
И дикаго народа нравы
Въ семь вѣрномъ зеркаль чиналь?
Таилъ въ молчаньи онъ глубокомъ
Движенья сердца своего,
И на чель его высокомъ
Не измѣнялось ничего.
Безпечной смѣлоспи его
Черкесы грозные дивились,
Щадили вѣкъ его молодой
И шопшомъ между собой
Своей добычею гордились.

Ч А С Т Ь І І .

К 1916 С

ЧАСТЬ II.

Ты ихъ узнала, дѣва горь,
Воспорги сердца, жизни сладость!
Твой огненный невинный взоръ
Высказывала любовь и радость.
Когда швой другъ во шмь ночной
Тебя лобзала нѣмымъ лобзаньемъ,
Старая нѣгой и желаньемъ,
Ты забывала мѣръ земной,
Ты говорила: плѣнникъ милый,
Развесели свой взоръ унылый,
Склонись главою ко мнѣ на грудь,
Свободу, родину забудь.
Скрываешься рада я въ пущынь

Съ шобою, царь души моей!
Люби меня; ни кто донинѣ
Не цѣловаль моихъ очей;
Къ моей постель одинокой
Черкесь молодой и черноокой
Не крался въ пишинѣ ночной;
Слыву я дѣвою жестокой,
Неумолимой красоной.

Я знаю жребій мнѣ гошовый:
Меня опецъ и брашъ суровый
Немилому продашь хошашъ
Въ чужой ауль цѣною злаша;
Но умолю опца и браша;
Не то — найду кинжаль иль ядь.
Непоспужимой, чудной силой
Къ тебѣ я вся привлечена,
Люблю тебѣ, невольникъ милой,
Душа шобой упоена....

Но онъ съ безмолвнымъ сожалѣньемъ
На дѣву спраспную взираль,
И полный шяжкимъ размышленьемъ

Словамъ любви ея внималь,
Онъ забывался: въ немъ шѣснились
Воспоминанья прошлыхъ дней,
И даже слезы изъ очей
Однажды градомъ покашились.
Лежала въ сердцѣ какъ свинець
Тоска любви безъ упованья.
Предъ юной дѣвой наконецъ
Онъ изліялъ свои спраданья.

„Забудь меня; швоей любви,
Твоихъ воспорговъ я не спою.
Безцѣнныхъ дней не шрашь со мною;
Другаго юношу зови.
Его любовь шебѣ замѣнишь
Мою души печальный хладъ;
Онъ будешь вѣренъ, онъ оцѣнишь
Твою красу, швой милый взглядъ,
И жаръ младенческихъ лобзаній,
И нѣжностъ пламенныхъ рѣчей;
Безъ упоенья, безъ желаній
Я вяну жершвою спрасшей.

Ты видишь слѣдъ любви несчастной,
Душевной бури слѣдъ ужасной;
Оставь меня; но пожалѣй
О скорбной участи моей!
Несчастный другъ! зачѣмъ не прежде
Явилась ты моимъ очамъ,
Въ шѣ дни, какъ вѣрилъ я надеждѣ
И уповашельнымъ мечтамъ?
Но поздно! умеръ я для счастья,
Надежды призракъ улетѣлъ;
Твой другъ ошвыкъ ошъ сладострасшья,
Для нѣжныхъ чувствъ окаменѣлъ....

„Какъ тяжко мертвыми ушами
Живымъ лобзаньямъ ошвѣчаешь,
И очи полныя слезами
Улыбкой хладною встрѣчаешь!
Измучась ревностью напрасной,
Уснувъ безчувственной душой
Въ объятіяхъ подруги сирасшной,
Какъ тяжко мыслишь о другой!...“

„Когда шакъ медленно, шакъ нѣжно,
Ты пьешь лобзанія мои,
И для тебя часы любви
Проходяшь быспро, безмятежно;
Снѣдая слезы въ пишинѣ,
Тогда, разсѣянный, унылый,
Передъ собою, какъ во снѣ,
Я вижу образъ вѣчно милый;
Его зову, къ нему спремлюсь,
Молчу, не вижу, не внимаю;
Тебѣ въ забвеньи предаюсь
И шайный призракъ обнимаю;
О немъ въ пуспынѣ слезы лью;
Повсюду онъ со мною бродишь
И мрачную шоску наводишь
На душу сирую мою.

„Оспавъ же мнѣ мои желѣзы,
Уединенныя мечшы,
Воспоминанья, грусть и слезы:
Ихъ раздѣлишь не можешь ты.
Ты сердца слышала признанье;

Прости.... дай руку — на прощанье.
 Не долго женскую любовь
 Печалишь хладная разлука:
 Пройдешь любовь, наспанешь скука,
 Красавица полюбишь вновь.“ —

Раскрывъ уста, безъ слезъ рыдая,
 Сидѣла дѣва молодая:
 Туманный, неподвижный взоръ
 Безмолвный выражалъ укоръ;
 Блѣдна какъ шнѣнь, она дрожала;
 Въ рукахъ любовника лежала
 Ея холодная рука;
 И наконецъ любви шоска
 Въ печальной рѣчи излилася.

„Ахъ Руской, Руской! для чего,
 Не зная сердца швоего,
 Тебѣ на вѣкъ я предалася?
 Не долго на груди швоей
 Въ забвеньи дѣва опдыхала;
 Не много радостныхъ ей дней

Судьба на долю низпослала!
 Придуть-ли вновь когда нибудь?
 Уже ль на вѣкъ погибла радость?....
 Ты могъ бы, плѣнникъ, обмануть
 Мою неопытную младость,
 Хотя бь изъ жалости одной,
 Молчаньемъ — ласкою притворной;
 Я услаждала бь жребій швой
 Забошой нѣжной и покорной;
 Я сперегла бь минушы сна,
 Покой поскующаго друга;
 Ты не хощьль.... Но кто жь она,
 Твоя прекрасная подруга?
 Ты любишь, Руской? ты любимъ?....
 Поняшны мнѣ швой спраданья!...
 Проспижь и ты мои рыданья,
 Не смѣйся горесшамъ моимъ.“

Умолкла. Слезы и сшenanья
 Сшъснили бѣдной дѣвы грудь.
 Ушла, безъ словъ, ропшали пѣни.
 Безъ чувствъ, обнявъ его колѣни,
 *

Она едва могла дохнуть.
И плѣнникъ, тихою рукою
Поднявъ несчастную, сказалъ:
„Не плачь! И я гонимъ судьбою
И муки сердца испыталъ.
Нѣшь! я не зналъ любви взаимной:
Любилъ одинъ, срадалъ одинъ,
И гасну я, какъ пламень дымной,
Забытый средь пусшыхъ долинъ.
Умру вдали бреговъ желанныхъ;
Мнѣ будешь гробомъ эша степь;
Тамъ, на косняхъ моихъ изгнанныхъ
Заржавишь пятгосшная цѣпь...“

Свѣшила ночи зашмѣвались;
Въ дали прозрачной означались
Громады свѣшлоснѣжныхъ горъ;
Главу склонивъ, пошупя взоръ,
Они въ безмолвіи разсшались.

Унылый плѣнникъ, съ эшихъ поръ,
Одинъ окресшъ аула бродишь.

Заря на знойный небосклонъ
За днями новы дни возводишь,
За ночью ночь во слѣдъ уходишь,
Вошще свободы жаждешь онь.
Мелькнешь-ли серна межъ кустами,
Проскачешь-ли во мглѣ сайгакъ:
Онъ, вспыхнувъ, загремишь цѣпями,
Онъ ждешь, не крадешся-ль Козакъ,
Ночный ауловъ разоришешь,
Рабовъ опважный избавишешь.
Зовешь... но все кругомъ молчишь;
Лишь волны плещуща бушуя,
И челоуѣка звѣрь почуя,
Въ пусшыню темную бѣжишь.

Однажды слышишь Руской плѣнный,
Въ горахъ раздался кликъ военный:
„Въ шабунъ! въ шабунъ!“ Бѣгушь, шумяшь;
Уздечки мѣдныя гремяшь,
Черньюшь бурки, блещушь брони,
Кипяшь осѣдланные кони,
Къ набѣгу весь ауль гошовъ,

И дикіе пипомцы брани
 Рькою хлынули съ холмовъ,
 И скачуть по брегамъ Кубани
 Сбирають насильственныя дани.

Успихъ ауль; на солнць спяють
 У саклей псы спорожевые.
 Младенцы смуглые, нагіе
 Въ свободной рѣзвості шумяють;
 Ихъ прады въ кругу сядяють;
 Изъ шрубокъ дымъ вѣяетъ синѣетъ.
 Они безмолвно юныхъ дѣвъ
 Знакомый слушають припѣвъ,
 И шарцевъ сердце молодѣетъ.

ЧЕРКЕСКАЯ ПѢСНЯ.

I.

Въ рѣкѣ бѣжитъ гремячій валь;
 Въ горахъ безмолвіе ночное;
 Козакъ успалый задремаль,
 Склоняетъ на копіе спальное.

Не спи, Козакъ! во пмѣ ночной
Чеченець ходишь за рѣкой.

2.

Козакъ плывешь на челнокѣ,
Влача по дну рѣчному сѣши.
Козакъ! ушонешь ты въ рѣкѣ,
Какъ понушь маленькія дѣши,
Купаясь жаркою порой:
Чеченець ходишь за рѣкой.

3.

На берегу завѣшныхъ водъ
Цвѣшушь богашья спаницы:
Веселый пляшешь хороводъ.
Бѣгише, Рускія пѣвицы;
Спѣшите, красныя, домой:
Чеченець ходишь за рѣкой.

Такъ пѣли дѣвы. Сѣвъ на брегъ,
Мечтаешь Руской о побѣгъ;
Но цѣпь невольника шаяжа,

Быспра глубокая рѣка....
Межь шѣмь, померкнувъ, степь уснула,
Вершины скаль омрачены,
По бѣлымъ хижинамъ аула
Мелькаешь блѣдный свѣшь луны;
Елени дремлюшь надъ водами,
Умолкнуль поздній крикъ орловъ,
И глухо вшорился горами
Далекій шопошь шабуновъ.

Тогда — кого-то слышно спало,
Мелькнуло дѣвы покрывало,
И вошь — печальна и блѣдна
Къ нему приближилась она.
Уста прекрасной ищущь рѣчи;
Глаза исполнены тоской,
И черной падающь волной
Ея власы на грудь и плечи.
Въ одной рукѣ блещишь пила,
Въ другой кинжалъ ея булатный:
Казалось, будшо дѣва шла
На шайный бой, на подвигъ рашный.

На плѣнника возведши взоръ,
„Бѣги! сказала дѣва горь:
Ни гдѣ Черкесь шебя не встрѣшишь.
Спѣши, не спрашь ночныхъ часовъ;
Возьми кинжалъ: швоихъ слѣдовъ
Никшо во мракѣ не замѣшишь.“

Пилу дрожащей взявъ рукой,
Къ его ногамъ она склонилась:
Визжишь желѣзо подъ пилой,
Слеза невольная скапилась —
И цѣпь распалась и гремишь.
„Ты волень, дѣва говоришь,
Бѣги!“ Но взглядъ ея безумный
Любви порывъ изобразилъ.
Она страдала. Въшеръ шумный
Свиспя, покровъ ея клубилъ.
„О другъ мой! Руской возопилъ,
Я швой на вѣкъ, я швой до гроба.
Ужасный край оставимъ оба,
Бѣги со мной...“ — „Нѣшь, Руской, нѣшь!
Она исчезла, жизни сладость;

Я знала все, я знала радость,
 И все прошло, пропала и слѣдь.
 Возможно ль? ты любишь другую!...
 Найди ее, люби ее;
 О чемъ-же я еще тоскую?
 О чемъ уныніе мое?...
 Проси! любви благословенья
 Съ тобою будушь каждый часъ.
 Проси — забудь мои мученья,
 Дай руку мнѣ.... въ послѣдній разъ.“

Къ Черкешенкѣ просперь онъ руки,
 Воскресимъ сердцемъ къ ней лещаль,
 И горькій поцѣлуй разлуки
 Союзъ любви запечатлѣль. —
 Рука съ рукой, унынья полны
 Сошли ко берегу въ пишинь —
 И Руской въ шумной глубинь
 Уже плывешь и пѣнишь волны,
 Уже проливныхъ скалъ доспигъ,
 Уже хвашаешься за нихъ....
 Вдругъ, волны глухо зашумѣли,

И слышенъ опдаленный спонь....
На дикій брегъ выходишь онъ,
Глядишь назадъ... брега ясныли
И опъненные бълъли;
Но нѣтъ Черкешенки молодой
Ни у бреговъ, ни подъ горой....
Все мершво.... на берегахъ уснувшихъ
Лишь въпра слышенъ легкій звукъ,
И при лунѣ, въ водахъ плеснувшихъ
Спруистый исчезаетъ кругъ.

Все понялъ онъ. Прощальнымъ взоромъ
Объемлешь онъ въ послѣдній разъ
Пусшой ауль съ его заборомъ,
Поля, гдѣ плѣнный стадо пасъ,
Спремнины, гдѣ влачили оковы,
Ручей, гдѣ въ полдень опдыхалъ,
Когда въ горахъ Черкесь суровый
Свободы пѣсню запѣвалъ.

Рѣдълъ на небѣ мракъ глубокой,
Ложился день на шейный долъ,

Взошла заря. Тропой далекой
Освобожденный плѣнникъ шель,
И передъ нимъ уже въ шуманахъ
Сверкали Рускіе шпыки,
И окликались на курганахъ
Спорожевые Козаки.

Такъ Муза, легкой другъ мечшы,
Къ предѣламъ Азіи лещала
И для вѣнка себѣ срывала
Кавказа дикіе цвѣшы.
Ее плѣнялъ нарядъ суровой
Племень, возросшихъ на войнѣ,
И часно въ сей одеждѣ новой
Волшебница являлась мнѣ;
Вокругъ ауловъ опустѣлыхъ
Одна бродила по скаламъ
И пѣснямъ дѣвъ осирошѣлыхъ
Она прислушивалась шамъ;

Любила бранныя спаницы,
Тревоги смѣлыхъ Козаковъ,
Курганы, шихія гробницы,
И шумъ, и ржанье шабуновъ.
Богиня пѣсень и разказа,
Воспоминанія полна,
Бышь можешь, повторишь она
Преданья грознаго Кавказа;
Разскажешь повѣсть дальныхъ странъ,
Мстислава¹² древній поединокъ,
Измѣны, гибель Россіянъ
На доль мстительныхъ Грузинокъ:
И воспою шопъ славный часъ,
Когда, почуя бой кровавый,
На негодующій Кавказъ
Подъялся нашъ орель двуглавый;
Когда на Терекъ съдомъ
Впервыя грянуль бивны громъ
И грохотъ Рускихъ барабановъ,
И въ съчь, съ дерзоспнымъ челомъ
Явился пылкій Циціановъ.
Тебя я воспою, герой,

О Кошляревскій! бичь Кавказа,
Куда ни мчался ты грозой —
Твой ходъ, какъ черная зараза,
Губиль, уничтожилъ племена...
Ты днесъ покинулъ саблю месши
Тебя не радуешь война;
Скучая миромъ, въ язвахъ чести,
Вкушаешь праздный ты покой
И пищину домашнихъ доловъ....
Но се — Воспокъ подъемлешь вой!...
Почикни снѣжною главой,
Смирись, Кавказъ! идешь Ермоловъ!

И смолкнулъ ярый крикъ войны:
Все Рускому мечу подвласно.
Кавказа гордые сыны,
Сражались, гибли вы ужасно;
Но не спасла васъ наша кровь,
Ни очарованныя брони,
Ни горы, ни лихіе кони,
Ни дикой вольности любовь!
Подобно племени Башыя,

Измѣнишь правдамъ Кавказъ,
Забудешь алчной брани гласъ,
Оставишь стрѣлы боевыя.
Къ ущельямъ, гдѣ гнѣздились вы,
Подъѣдешь пушникъ безъ боязни,
И возвѣсшая о вашей казни
Преданья шѣмныя молвы.

К О Н Е Ц Ъ.

У 1916 С 17613

ПРИМЪЧАНІЯ.

Издатели присовокупляють портретъ Авшора, въ молодости съ него рисованный. Они думаютъ, что пріятно сохранишь юныя черты Поэты, котораго первыя произведенія ознаменованы даромъ необыкновеннымъ.

1. *Бешту*, или правильнѣе *Бештау*, Кавказская гора въ 40 верстахъ отъ Георгіевска. Известна въ нашей Исторіи.

2. *Ауль*. Такъ называются деревни Кавказскихъ народовъ.

3. *Уздень*, начальникъ или князь.

4. *Шашка*, Черкеская сабля.

5. *Сакля*, хижина.

6. *Кульсызъ* дѣлается изъ кобыльаго молока: напишокъ сей въ большомъ употребленіи между всѣми горскими и кочующими народами Азіи. Онъ довольно пріятенъ вкусу и почитается весьма здоровымъ.

7. Счастливыи климатъ Грузіи не вознаграждаетъ сей прекрасной страны за всѣ бѣдствія,

вѣчно ею претерпѣваемыя. Пѣсни Грузинскія пріятны и по большой части заунывны. Онѣ славящъ минушныя успѣхи Кавказскаго оружія, смерть нашихъ героевъ, Бакунина и Циціанова, измѣны, убійства — иногда любовь и наслажденія.

8. Державинъ, въ превосходной своей Одѣ Графу Зубову, первый изобразилъ въ слѣдующихъ строфахъ дикія каршины Кавказа:

О юный вождь! — сверша походы,
 Прощель ты съ воинствомъ Кавказъ,
 Зрѣль ужасы, красы природы:
 Какъ съ ребрь шамъ страшныхъ горъ лѣсъ,
 Ревуть въ мракъ безднъ сердшы рѣки;
 Какъ съ чель ихъ съ грохотомъ снѣга
 Падушъ, лежавши цѣлы вѣки;
 Какъ серны, внизъ склонивъ рога,
 Зрящъ въ мглѣ спокойно подь собою
 Рожденце молдй и громовъ.

* * *

Ты зрѣль, — какъ ясною порою
 Тамъ солнечны лучи, средь льдовъ,
 Средь водъ, играя, отражаясь,
 Великолѣпный кажущъ видъ;
 Какъ, въ разноцвѣтныхъ разсѣаясь
 Тамъ брызгахъ, шонкій дождь горитъ;
 Какъ глыба шамъ сизояншарна,
 Навѣсясь, смотришь въ темный боръ;
 А шамъ заря златобагряна
 Сквозь лѣсъ увеселяещъ взоръ.

Жуковский, въ своемъ Посланіи къ Г. Воейкову, также посвящаетъ нѣсколько прелестныхъ стиховъ описанію Кавказа :

Ты зрѣль, какъ Терекъ въ быспроиѣ бѣгѣ
 Межъ виноградниковъ шумѣль,
 Гдѣ, часто прихаясь на брегѣ,
 Чеченець иль Черкесь сидѣль,
 Подъ буркой, съ гибельнымъ арканомъ;
 И въ далекѣ передъ тобой,
 Одѣши голубымъ шуманомъ,
 Гора вздымалась надъ горой,
 И въ сонмѣ ихъ гигантъъ съдой,
 Какъ шуча, Эльборусъ двуглавою,
 Ужасною и величавой
 Тамъ все блискаетъ красотою;
 Упесовъ мщисныя громады,
 Бѣгущи съ ревомъ водопады
 Во мракъ пучинъ съ гранишныхъ скалъ;
 Лѣса, кошорыхъ сна ошъ вѣка
 Ни спукъ сѣкирь, ни челоуѣка
 Веселый гласъ не возмущалъ,
 Въ кошорыхъ сумрачныя сѣни
 Еще лучъ дневный не проникъ,
 Гдѣ изрѣдка одни елени,
 Орла послышавъ грозный крикъ,
 Тѣснясь въ шолпу, шумящъ вѣшьями,
 И козы легкими ногами
 Перебѣгающъ по скаламъ,
 Тамъ все являешся очамъ
 Великолѣніе шворенья!
 Но шамъ — среди уединенья

Долинь, шаящихся въ горахъ —
 Гнѣздяща и Балкаръ, и Бахъ,
 И Абазехъ, и Камуцинецъ,
 И Корбулакъ, и Албазинецъ,
 И Чечереецъ, и Шапсукъ.
 Пицаль, кольчуга, сабля, лукъ,
 И конь — соратникъ быстросногій,
 Ихъ и сокровища и боги;
 Какъ серны скачуть по горахъ,
 Бросають смерть изъ - за ушеса;
 Или по топкимъ берегамъ,
 Въ правѣ высокой, въ чащѣ лѣса
 Разсыпавшись, добычи ждуть;
 Скалы свободы ихъ пріюсть.
 Но дни въ аулахъ ихъ бредуть
 На косыляхъ угрюмой лѣни:
 Тамъ жизнь ихъ — сонъ; спѣснясь въ кружокъ,
 И въ братскій съ шабакомъ горшокъ
 Вонзивши чубуки, какъ пѣни
 Въ дыму клубящемся сидятъ
 И объ убійствахъ говорятъ;
 Иль хвалятъ мѣшкія пицали,
 Изъ коихъ дѣды ихъ спрѣляли;
 Иль сабли на кремняхъ оспрашъ,
 Готовясь на убійства новы.

9. *Чихирь*, красное Грузинское вино.

10. Черкесы, какъ и всѣ дикіе народы, опла-
 чаются предъ нами госпепрїимствомъ. Госпѣ
 спановишся для нихъ священною особою. Пре-
 данъ его или не защищать, почитается межъ
 ними за величайшее безчестіе. *Кунакъ* (п. е.

пріятель, знакомецъ) опвѣчаетъ жизнию за вашу безопасность, и съ нимъ вы можете углубиться въ самую средину Кабардинскихъ горъ.

11. Байранъ или Байралъ, праздникъ розговѣнья. Рамазанъ Музульманскій постъ.

12. Мспиславъ, сынъ Св. Владиміра, прозванный *Удалымъ*, удѣльный Князь Тмушаракана (оспр. Тамань). Онъ воевалъ съ Косогами (по всей вѣроянности, нынѣшними Черкесами) и въ единоборствѣ одолѣлъ Князя ихъ Редедю. *Ист. Гос. Росс. Томъ II.*

1913

Купольс

260